

На правах рукописи

Рыбалко Андрей Александрович

ТРАДИЦИОННАЯ АРХИТЕКТУРА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ
(вторая половина XIX – начало XX века)

07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2007

Работа выполнена в Государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования «Челябинский государ-
ственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Алеврас Наталья Николаевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Шангина Изабелла Иосифовна
кандидат исторических наук, доцент
Атнагулов Ирек Равильевич

Ведущее учреждение: ГОУ ВПО «Южноуральский государственный
университет»

Защита состоится «___» _____ 2007 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государст-
венный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,
корпус 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский го-
сударственный университет»

Автореферат разослан «___» _____ 2007 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Оренбургское казачье войско (ОКВ) – одно из первых казачьих формирований России, созданных государством искусственно для решения геополитических задач, стоявших перед империей на Востоке в XVIII–XIX вв. Включение в состав войска в течение двух веков различных групп казаков (волжских, исетских, в небольшом количестве яицких, украинских и донских), государственных крестьян, солдат линейных батальонов, а также отдельных групп финно-угорских, монгольских, тюркских (в том числе не христианского вероисповедания) народов привело к формированию этнографической группы русских с выраженным субэтническим самосознанием – оренбургских казаков со свойственным ей комплексом локальных особенностей культуры. Сложный состав этнографической группы, проживание на огромной территории – от среднего течения реки Урал до среднего течения реки Тобол – в различных природно-географических условиях не могли не сказаться на особенностях материальной культуры.

Выявление общерусских черт культуры и закономерностей её развития возможно только на основе изучения локальных вариантов традиционной культуры. Локальным вариантом традиционной архитектуры русских, формировавшимся под воздействием разнообразных социально-экономических, экологических, этнических, психологических и других факторов является и традиционная архитектура оренбургских казаков.

Материальная культура оренбургских казаков до настоящего времени изучена недостаточно. Это в полной мере относится и к такому яркому ее элементу, как традиционное жилище, которое, в отличие от других элементов материальной культуры, в значительной мере сохранилось до нашего времени. Однако сегодня повсеместно архитектурный облик сел меняется до неузнаваемости. Ветхость многих домов, изменившиеся под влиянием города вкусы владельцев, а также широкое гражданское и промышленное строительство в сельских населенных пунктах приводят к сокращению числа традиционных построек, и через несколько лет они могут исчезнуть практически полностью. Всё это вызывает насущную необходимость сбора и анализа материалов по традиционной архитектуре оренбургских казаков.

Состояние изученности. Традиционное жилище оренбургских казаков до настоящего времени не являлось предметом специального исследования.

Можно сказать, что работ, в которых традиционная архитектура оренбургских казаков в целом или какие-либо её элементы находились бы в центре внимания автора, просто не существует. Однако некоторые сведения об особенностях архитектурных традиций оренбургских казаков содержатся как в дореволюционной литературе, так и в работах, опубликованных в советский период. Начало этнографическому изучению оренбургских казаков было положено в конце XIX – начале XX вв. В первые десятилетия XX в. вышли в

свет ряд трудов, в которых наряду с вопросами истории, организационного устройства и современного авторам состояния войска определённое внимание уделялось и традиционной архитектуре. Среди них можно назвать работу Ф.М. Старикова «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты», изданной в Оренбурге в 1891 году (Стариков Ф.М. 1891), в которой содержится краткое общее описание традиционного жилища оренбургских казаков. Сведения по этой теме содержатся в работах А. Кривошекова (Кривощёков А. 1915). Но данный автор затрагивает вопросы, связанные с традиционным жилищем, лишь косвенно, поскольку в центре его внимания находятся фольклор, обряды и обычаи оренбургских казаков. Достаточно подробно описана архитектура поселка Благословенного Оренбургского станичного юрта I военного отдела в работе Д.К. Зеленина «У оренбургских казаков», опубликованной в 1905 г. в Этнографическом обозрении (Зеленин Д.К. 1905). Выдающийся русский этнограф, впоследствии автор обобщающего труда «Восточнославянская этнография», не утратившего своего значения до настоящего времени, в 1904 г. провёл несколько месяцев в указанном посёлке, изучая быт местных казаков. В его работе содержатся описания посёлка, уделено достаточно большое внимание планировке дворов, названиям, типам и конструкциям хозяйственных построек, внутренней планировке жилищ, а также содержится анализ причин появления ряда особенностей в планировке и эксплуатации жилищ у оренбургских казаков. В данной работе приведены также планы типичной планировки жилых построек казаков Благословенного поселка, зафиксированных автором в середине 20-х годов XX века.

Значение этих работ трудно переоценить, так как они написаны на основе непосредственного наблюдения за материальной культурой оренбургских казаков в тот период, когда она в значительной степени оставалась традиционной, и подвергалась минимальным изменениям под влиянием европейской моды. Однако обе эти работы написаны на материалах лишь одного населённого пункта и не позволяют сформировать целостного представления о традиционной архитектуре оренбургских казаков.

В советский период, в 1930 г., опубликована работа М.Д. Голубых «Казачья деревня» (Голубых М.Д. 1930), написанная на материалах посёлка Тимофеевский Еткульской станицы III отдела Оренбургского казачьего войска. Эта работа содержит детальное описание архитектурно-планировочных и конструктивных особенностей жилых и хозяйственных построек посёлка. Работа М.Д. Голубых (Голубых М.Д. 1930) является практически единственным, опубликованным в советский период, историко-бытовым исследованием, посвящённым оренбургским казакам. В вышедшем в 1956 году фундаментальном обобщающем труде Е.Э. Бломквист «Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов» (Бломквист Е.Э. 1956. С. 105)

архитектура оренбургских казаков упоминается только раз, причем эта цитата из книги М.Д. Голубых.

Экспедиционному этнографическому изучению традиционной культуры оренбургских казаков в этот период также не уделялось должного внимания. Масштабных и достаточно регулярных экспедиций с научно-исследовательскими задачами в казачьи районы Южного Урала не предпринималось вплоть до конца 1980-х годов. По крайней мере, отсутствуют отчёты и публикации, которые подтверждали бы наличие подобных экспедиций. Исключение составляют две экспедиции Оренбургского областного краеведческого музея в 1978 и 1979 годах в Кваркенский и Саракташский районы Оренбургской области, отчёты о которых хранятся в архиве музея.

В 1970-е годы экспедиционные исследования традиционной архитектуры Южного Урала были предприняты челябинским архитектором М.П. Мочаловой. Результатом стал выход книги «На полуденную сторону», посвященной архитектуре Южного Урала в целом, где автор затронула лишь один аспект интересующей нас темы – планировку казачьих населенных пунктов Челябинской области, разработав собственную классификацию.

В конце 80-х – начале 90-х годов состоялось несколько экспедиций казанских этнографов в Нагайбакский, Чебаркульский и Варненский районы Челябинской области с целью изучения традиционной культуры нагайбаков и сбора сравнительных материалов по разным группам татар Челябинской области. Коллективная монография «Нагайбаки» содержит статью Ю.Г. Мухаметшина, в которой подробно рассмотрена архитектура населённых пунктов казаков-нагайбаков и приведены некоторые сведения по жилищам татар-мусульман, находившихся в составе Оренбургского казачьего войска (Мухаметшин Ю.Г. 1994. С. 40–49). В 1988–2006 годах систематический сбор материалов по традиционной культуре и, в том числе традиционной архитектуре, оренбургских казаков проводился этнографической экспедицией Челябинского государственного университета и музея-заповедника «Аркаим». За этот период было обследовано более 60 населённых пунктов в Брединском, Кизильском, Варненском, Карталинском, Троицком, Нагайбакском, Верхнеуральском, Уйском, Еткульском, Чебаркульском, Чесменском, Увельском районах Челябинской области, Кваркенском, Адамовском, Илекском районах Оренбургской области, Учалинском районе Башкортостана, а также в Комсомольском районе Кустанайской области Казахстана. На основе собранных материалов автором опубликован ряд статей – «Традиционная архитектура оренбургских казаков» в сборнике «Материалы по археологии и этнографии Южного Урала», «Традиционная архитектура оренбургских казаков на территории Челябинской области» в сборнике «Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи», «История и быт казаков новолинейного района» в сборнике «Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия» и другие.

В конце 1990-х – 2001 годах ряд экспедиций в Нагайбакский район Челябинской области предпринят этнографической экспедицией Магнитогорского государственного педагогического института. Среди прочих тем исследования внимание уделялось и традиционной архитектуре. По результатам исследований И.Р. Атнагуловым был опубликован ряд статей в их числе «Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков (сер. XIX – первая треть XX вв.)» (Атнагулов И.Р. 1998); «Поселения и жилища верхнеуральских казаков-нагайбаков» (Атнагулов И.Р. 2004).

Данным перечнем исчерпывается круг литературы, затрагивающей вопросы традиционной архитектуры оренбургских казаков.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются, оренбургские казаки. Предметом является традиционная архитектура оренбургских казаков второй половины XIX – начала XX вв.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является исследование архитектурно-планировочных особенностей населённых пунктов оренбургских казаков, особенностей традиционных жилищ и усадеб и факторов их формирования, выявление их общегрупповых черт и внутренней вариативности, динамики развития. Поставленная цель раскрывается с помощью решения следующих задач:

1. Обозначить основные геополитические факторы, повлиявшие на формирование этнографической группы оренбургских казаков и этапы освоения ими войсковой территории.

2. Определить типы традиционных поселений, жилищ и усадебных комплексов оренбургских казаков.

3. Представить характеристику традиционных построек всех типов по всему спектру основных признаков: строительные материалы и технология сооружения, внутренняя планировка и конструктивные особенности.

4. Определить сословную специфику казачьей архитектуры, влияние традиций районов выхода переселенцев на местные архитектурные традиции, показать адаптивные аспекты традиционной архитектуры, факторы, повлиявшие на формирование специфических черт архитектуры, определить место архитектуры оренбургских казаков в системе восточнославянских архитектурных традиций.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки ограничиваются периодом с середины XIX в. до начала XX (в пределах первой его четверти). Середина XIX в. является важнейшим рубежом в социальной и экономической истории России и значимым в истории ОКВ, когда заканчивается в основном формирование войсковой территории, первичное аграрное освоение края и сопутствующее этому формирование этнографической группы оренбургских казаков. Во второй половине XIX в. начинается интенсивное развитие капитализма в России, оживление торговли появление новых технологий, орудий труда, развития инфраструктуры ведущих к постепенному накоплению преобразований в традиционной культуре,

включая и архитектуру. Верхний временной предел обусловлен коренным изменением политической ситуации в стране, ломкой социально-экономического уклада, ликвидации сословия казаков, существенными административно-территориальными изменениями в регионе, приведшими к началу 30-х г. XX в. практически к полному прекращению на длительный срок традиционного домостроения и началу процесса его деградации в большинстве населенных пунктов оренбургских казаков.

Территориальные рамки исследования определены историческими границами земель ОКВ, которые включают в себя большую часть современной Оренбургской области, значительные территории Челябинской области, часть Курганской области, часть Учалинского района Башкортостана и Кустанайской области Казахстана.

Источники. Автор привлекает разнообразные источники: этнографические и письменные. Этнографические источники по способу получения информации делятся на две группы: объекты непосредственного наблюдения и сообщения информаторов, собранные автором в ходе этнографических экспедиций Челябинского государственного университета и природно-ландшафтного и историко-культурного музея-заповедника Аркаим в 1988–2002 годах более чем в 60 населённых пунктах в Брединском, Кизильском, Варненском, Карталинском, Троицком, Нагайбакском, Верхнеуральском, Увельском, Уйском, Еткульском, Чебаркульском и Чесменском районах Челябинской области, Кваркенском, Адамовском и Илекском районах Оренбургской области, Учалинском районе Башкортостана, а также Комсомольском районе Кустанайской области Казахстана. Нужно отметить, что традиционная архитектура, как никакая другая часть традиционной культуры, в значительной степени сохранилась до наших дней. 10–15 лет назад, в период начала экспедиционной работы автора, значительная часть населённых пунктов в сельской местности на 50–70 % сохраняла историческую застройку, сформировавшуюся в последней четверти XIX – первой четверти XX вв., а отдельные здания можно датировать и серединой XIX в. Анализ объектов непосредственного наблюдения дополняется опросом информаторов. Однако даже самые старые из них родились не ранее 1900 г., поэтому сведения информаторов распространяются только на процессы, происходившие в XX в.

Кроме этнографических, полученных в ходе полевых исследований использовались письменные источники как опубликованные так и не опубликованные. К не опубликованным относятся материалы архивов (Государственный архив Оренбургской области, Центральный Государственный Исторический Архив Республики Башкортостан), позволяющие получить информацию о времени и обстоятельствах появления населённых пунктов, районах выхода, этническом и сословном составе переселенцев, внутренним миграциям. Отдельную относительно немногочисленную группу письменных источников составляют

опубликованные материалы. В том числе опубликованные статистические источники (Списки населённых мест Российской империи. 1871; Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. 1904; Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. 1843; Списки населённых мест Оренбургской губернии, 1901), содержащие сведения о количестве и вероисповедании жителей посёлков, количестве дворов и наличии в посёлках культовых и хозяйственных построек общественного назначения. В качестве источника использовались также мемуарная литература – воспоминания врача Д.И. Татарина (Татарин Д.И. 1993. – С. 3–14), неопубликованные «Записки» учителя казачьей школы А.И. Утешева, публицистическая литература XIX – начала XX в. (В.И. Даль. 2001), в которой содержатся описания внешнего облика населённых пунктов или интерьера жилищ оренбургских казаков.

Методология исследования носит комплексный характер. В работе использованы научные методы, применяемые в исторических и традиционно этнографических исследованиях. Одним из важнейших методологических принципов в исследовании является исторический подход, который предполагает изучение любого общественного явления в конкретно-исторической обстановке, в процессе его возникновения, развития и изменения. В качестве основного используются сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить эволюционные тенденции в традиционной архитектуре, выявить общее и особенное в развитии архитектурных традиций в различных регионах и у различных этнических групп. Историко-типологический метод использовался для построения классификационных схем (типы жилищ, дворов, поселений). Продуктивным для всестороннего и целостного изучения проблемы является системный подход, позволяющий рассмотреть архитектурные традиции во взаимосвязи мировоззрения и хозяйственно бытовой деятельности казаков. Историзм и системный анализ в сочетании с такими методами познания как сравнительно-исторический, историко-типологический, структурный дают возможность рассматривать исследуемое явление в различных плоскостях и на разных этапах его развития. Теоретическую базу исследования составили труды Е.Э. Бломквист (Бломквист Е.Э. 1956), интерпретирующие традиционную архитектуру различных групп восточных славян как цепь последовательных звеньев. Типологизации и классификации автора базируются на разработанных Е.Э. Бломквист и М.В. Витовым (Бломквист Е.Э. 1956; Витов М.В. 1958) принципах.

Сбор полевого этнографического материала производился специальными этнографическими приёмами (экспедициями); применялись метод непосредственного наблюдения материальных остатков культуры в виде сохранившихся до настоящих дней комплексов и отдельных элементов исторической застройки, населённых пунктов на территории, входившей в

состав земель Оренбургского казачьего войска (с графической, фото- и видеофиксацией), и метод глубинного интервью с информаторами (обычно представителями старшей возрастной группы, наиболее полно знающими традиционную культуру своего региона).

Научная новизна работы заключается в том, что традиционная архитектура оренбургских казаков, являвшаяся белым пятном, впервые рассматривается комплексно, всесторонне, на материале большого количества населённых пунктов, всех этнических и конфессиональных групп оренбургских казаков. Автором впервые собран и введён в научный оборот обширный круг этнографических источников.

В работе предприняты попытки определить эволюцию типов традиционной планировки жилищ, районирование и картографирование типов жилых и хозяйственных построек, планировок дворов, определение факторов, вызвавших формирование общей специфики традиционной архитектуры региона, а также её внутренней вариативности.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут привлекаться для популяризации знаний о традиционной культуре оренбургских казаков, при составлении учебных программ, пособий, разработке курсов лекций по истории и традиционной культуре народов Южного Урала. Материалы диссертации могут оказать существенную помощь при составлении экскурсионных маршрутов и текстов экскурсий по историческим населённым пунктам Южного Урала, музейных экспозиций, предполагающих реконструкции традиционных интерьеров, создании музеев традиционной архитектуры под открытым небом.

Апробация работы. Основные выводы проведенного исследования докладывались автором на международных, всероссийских и региональных научных конференциях «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» (1995); «Этнические взаимодействия на Южном Урале» (2006) в Челябинске, «Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона» (2001) в Уфе, «Сибирское казачество: прошлое настоящее будущее» (2002) в Омске, «Российское казачество: Проблемы истории и современность» (2006) в Тимашевске (Краснодарский край) на II международном конгрессе этнографов и антропологов (1997) в Уфе. Результаты научной работы отражены в 10 статьях и тезисах. В 2005 г. на территории Специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника Аркаим была открыта экспозиция «Казачья усадьба». В подготовке материалов, выборе объектов экспонирования, а также монтаже экспозиции совместно с сотрудниками СПЛиИАЦ «Аркаим» и ЧелГУ в составе авторского коллектива принимал участие автор диссертационного исследования.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и источников. Приложение содержит карты, схемы, чертежи планировок усадеб, жилых и хозяйственных построек, фото- и графические изображения объектов традиционной архитектуры.

Содержание работы

Во введении обоснована актуальность темы, определяются хронологические рамки работы, формулируются цель и задачи исследования и определяется его методологическая основа.

В главе I «Формирование этнографической группы оренбургских казаков» рассматривается генезис данной группы, и важнейшие этапы освоения войсковой территории в XIX – XX вв.

1. *Геополитическая ситуация на юго-восточных рубежах России в XVIII в.* Территория Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. охватывала значительную часть степного и лесостепного Приуралья и Зауралья. Массовая русская колонизация данного региона началась только во второй четверти XVIII в. В степном Приуралье в конце XVII – начале XVIII вв. на территориях, занятых кочевыми тюркскими этносами (башкирами и казаками), существовали лишь единичные русские населённые пункты – Бердская слобода в среднем течении реки Урал (Яик), а в Зауралье самыми западными русскими поселениями являлись Калмацкий брод, Белоярско-Теченская и Багарякская слободы. Местами выхода первых поселенцев были уже освоенные русскими территории в Зауралье по реке Исеть – Далматовский монастырь и Шадринская слобода (Дегтярев И.В., 1966. С. 73–80).

Во второй четверти XVIII в. свободная крестьянская колонизация сменяется организованной целенаправленной государственной колонизацией, связанной с деятельностью Оренбургской экспедиции. Этот процесс был вызван резким изменением геополитической ситуации в «киргизской степи». В 1731 г. хан Младшей казахской орды Абулхаир обратился с прошением «о принятии его со всею тою Меньшею ордою в российское подданство» и о застройке в устье реки Орь города (Рычков П.И., 2001. С. 6). В 1734 г. в устье реки Орь недалеко от ханской ставки была основана крепость Оренбург (современный город Орск), а для снабжения его «провиантом и железом» в истоках реки Яик (Урал) – Верхнеяицкая пристань (Рычков П.И., 1999. С. 239). Основание в верхнем течении реки Миасс с апреля по сентябрь 1736 г. сети крепостей –Чебаркульской, Миясской, Челябинской и в 1737 г. Эткульской было также связано с необходимостью снабжать зауральским хлебом новый административный центр Оренбург. Первыми поселенцами этих крепостей были русские «дворцовые» крестьяне и лица различных сословий из «ближайших теченских слобод Исетской и Тобольской провинций», зачисленные в созданные полковником Тевкелевым исетские казаки (Дегтярев И.В., 1996. С. 56–57). Помимо Далматова монастыря, Шадринской слободы и окрестных сёл, местами рождения первых жителей крепостей были северные и северо-западные губернии европейской России: Архангельская, Вологодская, Новгородская, северные приуральские уезды Казанской губернии (Вятский и Кунгурский), Сибирская губерния (Екатеринбургское ведомство, Тобольский и Ялуторовский уезды). Таким образом, население региона в 30-е годы XVIII в. формировалось в основном из северных великороссов

(Дегтярев И.В., 1966. С. 86–87). Процессы военного строительства и хозяйственного освоения края были приостановлены «башкирскими бунтами» 30-х годов, которые, однако, после подавления спровоцировали интенсификацию колониционных процессов.

40-е гг. XVIII в. являются временем создания Оренбургской укрепленной линии. Линия прикрывала юго-восточную границу Российского государства от нападений киргиз-кайсаков и джунгарских калмыков. Создание сети опорных пунктов от Каспийского моря вверх по рекам Урал и Уй явилось частью правительственного плана перенесения государственной границы на юго-восток от Башкирии и окончательного включения ее в состав России. Частью Оренбургской укрепленной линии являлась Верхнеяицкая дистанция, а укрепления, крепости и редуты, составлявшие ее, позднее превратились в поселки, станицы и города, большая часть которых сегодня находится на территории современных Оренбургской и Челябинской областей. Располагаются они преимущественно на правом берегу реки Урал: город Верхнеуральск, поселки Спасский, Верхнекизильский, Янгельский, Сыртинский, Увальский, Грязнушенский, станицы Магнитная, Кизильская и другие. От Верхнеуральской (Верхнеяицкой) крепости граница поворачивала на восток, вниз по реке Уй до впадения ее в Тобол. На Уйской линии ключевой была Троицкая крепость, линия охватывала степное Зауралье с севера. Укрепления были сооружены на левом, северном берегу реки. Исключение составила Степная крепость, основанная на правом, степном берегу. Первыми «жителями» новопостроенных крепостей были наряжаемые на службу солдаты и офицеры линейных, регулярных полков; яицкие, волжские, малороссийские и исетские казаки; служилые татары, мещеряки (мишари), тептяри, калмыки, то есть лица с разной сословной, конфессиональной и этнической принадлежностью. Солдаты регулярных полков в подавляющем большинстве были великороссами, рекрутируемыми на службу из центральных губерний Российской империи. Среди офицеров, в основном тоже русских, встречались немцы и поляки (Рычков П.И., 1999. С. 225–226). Во второй четверти XVIII в. русской администрацией было образовано особое Оренбургское казачье войско. Началом его образования стало создание оренбургским генерал-губернатором И.И. Неплюевым оренбургского нерегулярного корпуса из казаков различных районов Заволжья. Впоследствии в состав Оренбургского казачьего войска были включены исетские и часть яицких казаков. В 1758 г. ОКВ управлялось войсковым атаманом, подчиненным оренбургскому генерал-губернатору. Численность войска систематически пополнялась за счет переселяемых сюда волжских, донских и украинских казаков.

2. *Освоение новолинейного района (вторая четверть XIX в).* В XVIII в. Россия вплотную приблизилась к границам степного края. Однако продвижение в степь и ее колонизация начались только через сто с лишним лет, во второй четверти XIX в. Оренбургская укрепленная линия разделила два враждующих народа – башкир и казахов. Тем не менее «неприятельные» отношения между

ними не прекратились окончательно. Взаимные набеги продолжались. Очень часто объектами нападения становились не только башкирские деревни, но и русские поселения на Оренбургской пограничной линии. Для того чтобы прекратить разбой на приграничной линии, русской администрацией решено было перенести границу вглубь киргизской степи на 100–150 верст и тем самым разъединить башкир и казахов окончательно. Перенесение границы сократило бы ее протяженность, что, в свою очередь, уменьшило бы расходы на ее содержание. Эта идея была воплощена генерал-адъютантом В.А. Перовским. Проект В.А. Перовского был одобрен в Петербурге государем императором Николаем I. Там же было решено, что защищать линию будут ее обитатели, поэтому она должна быть заселена только лицами казачьего сословия. Военным губернатором был учрежден особый комитет, в задачи которого входило изыскание средств на строительство и решение практических вопросов, связанных с воплощением проекта в жизнь. Возглавил комитет В.А. Перовский. Комитет постановил, что строительство линии и заселение новой территории «должно пройти быстро, без проволочек, чтобы киргизы видели в этом решительное и неизменное действие». Отторжение и выселение «киргиз» из новолинейного района В.А. Перовский считал справедливым возмездием за разбой, чинимый ими в приграничной полосе, и за непокорность русской администрации. Исход казахов освобождал эти земли, пригодные для земледелия, для русского населения. Новая линия должна была пройти от Орска на северо-восток до Березовского укрепления на Уйской линии, напротив впадения реки Тогузак в Уй. Строительство линии продолжалось с 1835 по 1837 гг. Новая пограничная линия состояла из пяти дистанций. Между поселениями располагалась кордонная стража на специально установленных редутах и пикетах с промежутком в 5–10 верст. Для наблюдения за степью пикеты оборудовались смотровыми вышками, система оповещения осуществлялась с помощью шестов, обвитых просмоленной соломой, которые в случае тревоги поджигались (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4570, л. 3).

Сооружение Новой линии не предусматривало демонтажа старой. Между двумя линиями, было построено в течение десяти лет около 50 населенных пунктов. Первоначально названия имели только поселения на самой границе или рядом с ней: Надеждинский, укрепление Михайловское, Алексеевский, укрепление Николаевское, Константиновский, Владимирский, Георгиевский, укрепление Наследницкое, Мариинский, Андреевский, Атаманский, Павловский, и др.

В 1840 г. новолинейный район, площадь которого равнялась 4300 тыс. кв. десятин, был включен в состав Оренбургской губернии. Исключительные права на территорию были закреплены положением об Оренбургском казачьем войске, изданным в том же году (Горбунова С.В., 1997. С. 63). Для несения кордонной службы на Новую линию были отправлены 550 оренбургских казаков, сотня уральских и тысяча башкир. Солдаты упраздненных линейных батальонов из крепостных гарнизонов переводились в казачье сословие, и

переселялись на Новую линию. Перовским упраздняются казачьи станицы внутренних кантонов, находящиеся в Уфимском, Бузулукском и Белебеевском уездах, а населению их предписывается переселиться в Новолинейный район. Всего по плану войскового начальства переселению подлежало 3752 казака мужского пола из станиц Бакалинской, Бузулукской, Нагайбакской, Ольшанской, Самарской, Сорочинской, Табынской, Тоцкой, Уфимской и Алексеевской (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 68–103).

Государственные крестьяне, проживавшие на землях Оренбургского казачьего войска, в некоторых волостях Оренбургского, Верхнеуральского и Троицкого уездов, переводились в казачье сословие и переселялись на Новую линию. Указ об их переселении крестьяне встретили прямым неповиновением властям. Формальной причиной неповиновения был, якобы, обман со стороны властей – указ о перечислении в казаки и переселении был зачитан «без барабанного бою». Действительной же причиной недовольства и бунтов было нежелание менять обжитые, спокойные внутренние районы губернии на беспокойную, неосвоенную приграничную полосу. Чтобы не провоцировать новые беспорядки, В.А. Перовский, с согласия Департамента военных поселений, государственных крестьян, не пожелавших поменять свое сословие, переселил с семьями в Бузулукский уезд, за пределы войска, на освободившиеся в результате ухода казаков на Новую линию места. Крестьян, перечислившихся в казаки, но не пожелавших изменить место жительства, было решено оставить на своих местах. В 1844 г. заселение Новолинейного района было в основном закончено (Рязанов А.Ф., 1928. С. 34).

Несмотря на численное преобладание русских среди переселенцев, национальный состав населения в новолинейном районе оказался весьма пестрым. Кроме русских, среди оренбургских казаков было немало потомков казаков украинских, проживавших компактно в станицах на Старой линии. Часть их оказалась на Новой линии. Возможно, некоторое количество украинцев попало сюда непосредственно с Украины и Кубани (Кривошеков А.И., 1915. С. 48). Вместе с русскими крестьянами из Приуралья были переселены казаки-нагайбаки (крящены) и перечисленные в казачье сословие мордовские крестьяне.

Нагайбаки (крящены) были переселены из станиц Нагайбацкой и Бакалинской в количестве 2877 душ мужского пола и расселены в поселках Требия, Кассельском, Остроленском, Фершампенуазском, Парижском. В поселке Парижском они проживали совместно с калмыками и русскими: 744 души – нагайбаки, 74 души – калмыки и 141 душа – русские (Рязанов А.Ф., 1928. С. 28). Одновременно с упразднением станиц внутренних кантонов было упразднено Ставропольское калмыцкое войско на Средней Волге, а калмыки переселены на Новую линию (Правила о переселении... 1843. – § 1). Калмыки были вкраплены среди русского, мордовского и нагайбакского населения. В поселках калмыки проживали отдельно от русских, образуя калмыцкие концы и улицы. Уже в советское время (1924–1925 гг.) большая часть проживавших на

территории Челябинской и Оренбургской областей калмыков, сохранивших свой язык и, в значительной степени, традиции, была переселена в образованную на Нижней Волге Калмыцкую АССР.

Кроме нагайбаков-христиан, на новых землях оренбургских казаков, в поселок Алексеевский из Мочинской станицы (бывшая Мочинская слобода в районе города Самары) были переселены татары-магометане казачьего сословия, впоследствии еще раз переселенные в поселок Варненский, который был первоначально единственным местом в новолинейном районе, где компактно проживали казаки, исповедующие ислам. В 1855 г. по высочайше утвержденному положению Военного совета население башкирских, мещерякских (мишарских) и тептярских поселков, расположенных на землях оренбургских казаков, не пожелавшее в течение двух лет переселиться за войсковую территорию, зачислялось в состав Оренбургского казачьего войска (ЦГИА РБ, ф. 2, оп. 1, д. 5137, л. 121).

В новолинейном районе по прежнему продолжали проживать киргиз-кайсаки (казахи). В 1842 г. Николай I позволил им пользоваться зимними кочевьями в местах прежнего проживания. Однако на лето с 1 мая по 1 октября казахи должны были откочевывать в степь за Новую линию. Для пересечения линии выдавались специальные билеты. В 1862 г. казахам было разрешено в летний период оставаться в пределах новолинейного района с закреплением за ними 10 млн кв. десятин (Горбунова С.В., 1997. С. 64).

С 1865 г. правительством было разрешено представителям других сословий селиться на казачьих землях без перехода в казаки.

На рубеже XIX–XX вв. понятие «новолинейный район» стало чисто историко-географическим, административно большая его часть находилась в Верхнеуральском уезде, остальная – в Орском и Троицком. В военно-административном отношении 11 станичных юртов района подчинялись II военному отделу с центром в Верхнеуральске, а Михайловский станичный юрт и посёлок Берлинский Кособродского юрта – к III с центром в Троицке. Несколько поселков в результате передачи в Тургайскую область выделенных казахам земель оказались анклавами.

В главе II «Населенные пункты оренбургских казаков», дается описание природно-географических условий Южного Урала, историческая топонимика, характеристика населенных пунктов исследуемой группы.

1. Природа и климат. Территория земель Оренбургского казачьего войска располагалась между 50° 54' и 55° 30' северной широты и 23° 4' и 34° 55'' восточной долготы.

Территория бывшей Оренбургской губернии (в том числе и войсковые земли) находится на двух континентах – в Европе и Азии. Современной границей между Европой и Азией являются река Урал и главный Уральский хребет. Современное географическое районирование относит эти территории к Южному Уралу, Зауралью и Приуралью. Климат резко континентальный,

аридный. Ландшафты на большей части территории степные, в Зауралье – лесостепные.

2. Типы населённых пунктов на территории ОКВ. Самыми распространенными названиями, применяемыми для крупных поселений оренбургских казаков, являются «станция» и «поселок». Мелкие имеют названия – хутор, заимок (заимка), выселок, статья.

Станция – это сравнительно крупный населенный пункт, военно-административный центр, в котором располагалось станичное правление. Совокупность населенных пунктов и земель, объединенных таким центром, называется «станичным юртом».

Нередко слово «станция» употребляется в значении «станичный юрт», например: поселок Амурский Варшавской станицы (то есть Варшавского станичного юрта). Поселок – это, как правило, но не всегда, более мелкий населенный пункт, подчиненный станичному центру, но имеющий собственное поселковое правление.

В 1901 г. в трех военных отделах насчитывалось 48 станичных юртов, и несколько тысяч различных поселений. Даже на территории новолинейного района, занятого и освоенного казаками сравнительно поздно, на рубеже XIX–XX вв. существовало более ста населенных пунктов. В начале XX в. самым крупным из них был поселок Варненский Великопетровской станицы, в котором проживало 2785 жителей. Крупными были станицы Наследницкая – 2259 чел. Аландская – 2103 чел., Поселок Краснинский – 2300 чел., Катенинский – 2280 чел., Арсинский – 2280 чел., Кацбахский – 1834 чел.

3. Топонимия населённых пунктов. Топонимия населенных пунктов исследуемого региона, отражает этноисторические процессы, протекавшие на территории Южного Урала на протяжении, по крайней мере, двух последних тысячелетий.

Русские крестьяне и казаки в XVII–XIX вв. заняли территорию с уже сформировавшейся топонимией, в основном ее сохранив. На нашей территории значительный пласт составляют топонимы тюркского происхождения.

Так как гидронимия и оронимия сохранилась в основном прежняя – тюркская, то и часть новых поселений в своих названиях имела тюркские основы. Так, крепость Челябинская названа по урочищу «Челяби-карагай», крепости Чебаркульская, Еткульская, Кизильская, Коельская, Миасская, Сакмарская, Таналыкская, Еманжелинская, Санарская, редуты Каракульский, Аткульский и т. д. – по названиям одноимённых рек и озёр.

Другой является группа топонимов с русскими основами, указывающими, на топографические особенности местности: Каменноозерная, Краснохолмская, Россыпная; Магнитная, Степная, Грязнушенский, Увальский; Ключевская, Кособродская, Березовская, Крутоярский.

На территории Троицкого и Челябинского уездов довольно большая часть поселков сформировалась путем разрастания заимок и выселков, располагавшихся вокруг крепостей XVIII в., носящих имена своих основателей:

Синеглазовский, Фатеевский, Кайгородовский, Першинский, Коркинский, Белоусовский, Ханжинский и др.

Небольшое количество поселений XVIII в. получили свои имена в честь православных праздников, выпавших на день их основания: крепость Троицкая, станицы Воздвиженская и Пречистенская, поселок Спасский.

Во второй четверти XIX в., после сооружения Новой линии, укрепления и станицы, основанные с 1835 по 1837 г., получили имена лиц императорской фамилии: укрепление Императорское, станица Елизаветинская, укрепление Наследника, станица Мариинская, станица Павловская и др.

Новые поселения, образованные между старой и новой линиями в начале 40-х г. XIX в., в качестве названий некоторое время имели порядковые номера. В 1844 г. «номерные» новолинейные поселения получили имена мест, где российское оружие одерживало победы в XVIII – первой четверти XIX в.: станицы Березинская, Варшавская, Берлинский, Бородиновский, Браиловский, Варненский, Арсинский, Кассельский, Лейпцигский, Наваринский, Рымникский, Измаильский, Кульмский, Полоцкий, Парижский, Тарутинский, Фершампенуазский, Чесменский и т. д.

Казачьи поселки в новолинейном районе, основанные во второй половине XIX в., как правило, получили имена в честь лиц, принимавших активное участие в освоении и управлении Оренбургским краем и Оренбургским казачьим войском: генерал-губернаторов, военных губернаторов, атаманов. Это поселки Неплюевский, Могутовский, Углицкий, Обручевский, Катенинский, Астафьевский, Ершовский, Маслоковецкий, Толстовский и др.

В первом десятилетии XX в. во II военном отделе, отчасти – в III отделе, было образовано несколько десятков населенных пунктов, возникших в результате переселения казаков из старых поселков, на свободные войсковые земли. Названия новых поселков повторяли названия мест выхода: Ново-Буранный, Ново-Аблязовский, Ново-Черноотрожский, Ново-Кондуровский, Ново-Александровский, Ново-Черкасский.

Кроме названий официальных, большинство казачьих поселений имели имена неофициальные названия. Во многих случаях такое название возникало в память о первоначальном месте проживания. Например, у нагайбаков: Остроленка – Сарашлы, Кассель – Килей (соответствуют названиям деревень в Белебеевском уезде, откуда нагайбаки были переселены в новолинейный район), у русских: Рымник – Самара, Кацбах – Сороки (г. Сорочинск современной Оренбургской области), Великопетровка – Табынцы (с. Табынское в Башкирии).

Причиной появления неофициального названия могли стать также прозвища жителей посёлка, основанные на каких-либо особенностях, приписываемых жителям. Например, проселок Браиловский – «Труболеты» (считалось, что в этом посёлке особенно много ведьм и колдунов), Новоалександровский (Александровка) – «Хомуты», Стрелецкий – «Горожаны» (за светлый оттенок кожи).

4. *Планировка населённых пунктов.* Административный фактор в ещё большей степени, чем в присвоении названий новым поселениям, оказывал влияние на планировку и отчасти внешний облик поселений оренбургских казаков. Государственный характер колонизации predetermined то, что места для новых поселений строго регламентировались. Решающим фактором для закладки крепостей или основания поселений в XVIII в. являлась стратегическая целесообразность. В XVIII в. выбор мест для новых поселений часто осуществлялся при непосредственном участии государственных чиновников высокого ранга – «начальников края» или их ближайших сподвижников. Этим занимались И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, И.И. Неплюев, А.И. Тевкелев, Н.Н. Бахметьев, П.И. Рычков. Так, генерал-губернатор И.И. Неплюев весной-летом 1743 г. лично выбрал места для новых крепостей по реке Уй (Рычков П.И., 2001. С. 165). В первой половине XIX в. основание новых поселений санкционировалось на высочайшем уровне в Петербурге, а постройка их контролировалась Оренбургским военным губернатором. Оренбургский военный губернатор В.А. Перовский лично в 1836 г. выезжал в степь в возводимые на новой линии поселения (Рязанов А.Ф., 1928. С. 24). Рекогносцировка территории и выбор места для поселений между старой и новой линиями в начале 40-х г. XIX в. осуществлялись под контролем военного губернатора Обручева и наказного атамана Оренбургского казачьего войска графа Цукато (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 54об.). Непосредственная съёмка местности, составление плана и разбивка поселения осуществлялась военными и гражданскими чиновниками рангами ниже (офицерами, урядниками при обязательном участии военных или гражданских геодезистов, топографов, землемеров).

Какая-либо самодеятельность или «народная инициатива» были практически невозможны. Подобные попытки властью пресекались и карались даже в начале XVIII в. Упразднение или перенос населённых пунктов по тем или иным причинам, чаще всего из-за отсутствия в достаточном количестве хорошей воды и сенокосных угодий, санкционировались высшими чиновниками губернии (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 334).

Населённые пункты оренбургских казаков, все без исключения, были основаны в XVIII – начале XX в. В это время в планировании поселений господствовал регулярный стиль, распространение которого в России также носило государственный характер (указ Петра I от 7 августа 1722 г. о строении крестьянских дворов по установленному чертежу) (Мочалова М.П., 1978. С. 139).

В XIX и начале XX в. внутренняя планировка поселений регламентировалась указами имперского «...по Высочайше утвержденным для казенных селений планам, соображаясь с правилами постановленными в 774, 777, 780, и 782 ст., т. XII, устава о благоустройстве городах и селениях» (Правила о переселении... 1843. С. 12) и местного начальства; в 1843 г. – указом Оренбургского военного губернатора В.А. Обручева (Шитова С.Н., 1987.

С. 47), а в начале XX в. – «особой инструкцией о распланировании посёлков», изданной войсковым хозяйственным правлением Оренбургского казачьего войска в 1904 г. (Голубых М., 1928. С. 6), которые в своей основе содержали ключевые положения петровского указа 1722 г.

Поселения оренбургских казаков с регулярным планировочным решением челябинский архитектор Мочалова М.П. разделяет на три типа: 1) с незавершённой сетчатой схемой, 2) правильные сетчатые, 3) регулярные с усложнённой планировкой. (Мочалова М.Н., 1978. С. 152).

Количество дворов на рубеже XIX–XX вв. на поселениях оренбургских казаков варьировалось от нескольких сотен (Нижнеуфельская – 640,) до нескольких десятков или менее (пос. Ерофеевский – 14 дворов).

Характерной чертой планировки казачьих посёлков является наличие площади-плаца, являвшегося центром общественной жизни поселения. Плац служил местом проведения войсковых смотров и строевой подготовки казаков. На площади или на главной улице располагалось административное здание станичного или поселкового правления. Площади служили также местами проведения ярмарок.

К концу XIX в. во всех крупных посёлках были построены церкви, а в посёлках с мусульманским населением – мечети. Первоначально церкви были чаще всего деревянные. Впоследствии некоторые из них были заменены на каменные. Церкви располагались или на площади, или за посёлком на возвышенном месте.

В каждом посёлке имелись две (мужская и женская) казачьи школы. За посёлком, относительно недалеко находились общественные запасные хлебные магазины, мельницы. Удаленность от посёлка запасных хлебных магазинов (общественных амбаров) диктовалась пожарной безопасностью. Ветряные мельницы устанавливались на открытых или возвышенных местах. Улицы в поселках, опасаясь пожаров, намеренно устраивали широкими, с проулками-разрывами. Улицы и усадьбы населенных пунктов, расположенных как в степной, так и в лесостепной зонах, не имели зелёных насаждений. По сообщениям информаторов, «порядки были чистыми», то есть без деревьев и палисадников. Лишь в начале XX в. у некоторых домов, обычно офицерских, появляются палисадники с зелёными насаждениями. Кроме зелёных насаждений отсутствовали в казачьих усадьбах огороды и сады. Казаки посёлка Благословенного Оренбургской станицы объясняли такое положение отсутствием колодцев (Зеленин Д.К., 1905. С. 61). Обычно огороды и бахчи располагались за посёлком.

Большинство посёлков делилось на концы. Очень часто внутренняя топонимия посёлков говорит о том, кем были и откуда пришли первые поселенцы. Так посёлок Наследницкий состоял из двух концов, один из которых назывался «Казаки», другой – «Солдаты». Внутренние топонимы сохранили историческую память о том, что при основании укрепления Наследника, туда были поселены «нижние чины № 10 Линейного

Оренбургского батальона из Петропавловского и Кидышевского посёлков» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4519, л. 1–4) и солдаты линейных батальонов, переведённых в казаки (ЦГИА РБ, ф. 1, оп. 1, д. 174, л. 333). Посёлок Аландский Кваркенской станицы, в котором проживали казаки русского и украинского происхождения, также делился на две части – «Хохлы» и «Кацапы». Во всех посёлках, в которых проживали калмыки, выделяли «Калмыцкие» концы или улицы.

В главе III. «Жилище и усадьба оренбургских казаков», рассматривается строительная культура оренбургских казаков дана характеристика основным типам традиционного жилища, конструктивным приемам, строительным материалам

1. Развитие жилища. Наиболее архаичным типом жилых построек на рассматриваемой территории являлось двучастное жилище – изба с сенями, чаще всего не возводимыми вместе с домом, а пристроенными к нему после. Такие дома сохранялись до настоящего времени в небольшом количестве почти во всех посёлках оренбургских казаков. Сооружались они из сосновых и лиственничных бревен или плах диаметром до полуметра (46–50 см). Для возведения дома на высоту трех метров требовалось всего 6–7 венцов.

Применялся в основном способ рубки дома «в чашку», с выступающими концами. По многочисленным утверждениям информаторов, первый венец дома ставился на вкопанные лиственничные пни – «сохи» или обрубки бревен – «столбы». Планировка дома относительно печи относится к северо-среднерусскому типу по классификации предложенной Е.Э. Бломквист (Бломквист Е.Э. 1956., С. 235). Печь находилась слева или справа от входной двери, направление устья печи и входной двери совпадали. Над входной дверью располагались полати. Крыши домов – на два ската, тесовые.

Другим широко распространенным типом жилища оренбургских казаков являлся трехчастный (трехкамерный) дом. Вход в такое жилище устраивался со стороны двора через «холодные» сени. «Холодные» сени переходили в «теплые», делившие дом на правую и левую половины. Дом, таким образом, имел два жилых помещения и являлся соединением двух изб, связанных друг с другом в один сруб теплыми сенями. В плане дом симметричен, линия симметрии проходила через теплые сени.

Дома подобного типа называют «связью, старым домом». Планировка дома-«связи» на территории ОКВ – северо-среднерусская.

Челябинский историк И.В. Дегтярёв, опираясь на архивные материалы, сообщает о широком бытовании связей в Челябинской и Миасской крепостях в XVIII в. (Дегтярёв И.В., 1996. С. 20).

Трёхкамерные дома имели двухскатную тесовую крышу с фронтоном, зашитым горизонтально расположенными досками, с маленьким полукруглым чердачным оконцем и карнизом – «kozyрем» из тёса. Тёс укладывался плотно в два слоя.

Появление следующего типа дома – «пятистенка» или «пятистенника», кроме распространения городской моды, часто объясняют отмиранием большой патриархальной семьи у великороссов и в том числе у оренбургских казаков (Бломквист Е.Э., 1956. С. 98; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1997. С. 136). В России в сельской местности пятистенок широко распространился во второй половине XIX в.

Пятистенок является господствующим типом дома в селах и в наши дни. Это дом, разделенный посередине капитальной стеной, рубленной одновременно с возведением сруба. Часто разделительную стену не рубили полностью, а врубали два или одно бревно в нижние венцы и столько же – в последние верхние. Остальная большая часть «пятой» стены представляет собой дощатую перегородку. Внутренняя перегородка делит дом на «избу» и «горницу». «Избой» кроме собственно дома называют ту его часть, где находится русская печь.

Пятистенки, как правило, возводились на фундаментах из дикого камня. Сруб рубился из сосновых бревен или плах. Диаметр строевого леса – 15–20 см. Из лиственницы рубили, при возможности, только два первых венца, соприкасавшиеся с фундаментом.

Многие богатые дома в казачьих станицах первого, второго и на юге третьего отделов имеют «крылец» – галерею с парадным крыльцом, которое выходит непосредственно на улицу.

По мнению М.П. Мочаловой, высказанному автору в частной беседе, оренбургские «крыльца-галерейки» являются вариантом туркестанского «айвана», заимствованного оренбургскими казаками. Действительно, чаще всего «крыльца-галерейки» встречаются в поселках I и II военных отделов, казаки которых служили во 2-ом и 5-ом Оренбургских полках, дислоцировавшихся в Туркестанском военном округе.

Пятистенок обычно имел невысокую, на четыре ската крышу: у зажиточных казаков – железную, у менее состоятельных – тесовую. Повсеместное уплощение крыш было связано с распространением кровельного железа. Пятистенки, как правило, расположены вдоль улицы по-сибирски. Иногда состоятельные родители строили отделяющимся сыновьям дом «на два двора». Это два пятистенка под общей крышей. Сооружение симметричное. Имело два отдельных входа, два самостоятельных комплекса хозяйственных построек. Линия симметрии проходила через капитальную стену, разделяющую дом на две равные половины. Сообщение между правой и левой частями было возможно только через улицу. Внутреннюю проходную дверь не устраивали не только в сенях, но даже и во дворе. Перекрывалось такое сооружение четырехскатной стропильной крышей.

Дальнейшим развитием пятистенка через усложнение его планировки в горизонтальной плоскости стало появление многокамерных домов: «дома углом» и некоторых типов «шестистенка», «крестовика» и «крестовых связей».

«Шестистенки» – это трехкамерные дома с расположенными в один ряд (линию) комнатами, где обитаемыми являются все три части дома, в отличие от «связи», в которой средняя часть, т. е. теплые сени – нежилые.

Они сохранились в небольшом количестве в большинстве крупных посёлков до настоящего времени. После коллективизации их активно перестраивали, перевозили из посёлка в посёлок, использовали под различные учреждения.

«Дома-углом» («угловые дома, дома глаголем, угловые связи») распространены в южных поселках степной зоны. Формировался такой дом за счёт углового прируба к пятистенку или к шестистенку.

Дальнейшим усложнением планировки дома является «крестовик», то есть дом, разделенный на четыре части двумя пересекающимися стенами, рубленными одновременно со всем срубом. Примерной границей их распространения на юг является река Уй. Южнее поселков Степной станицы «крестовики» встречаются редко. Однако распространение крестовика в степной район продолжалось и после гражданской войны. Так называемые «кулацкие» дома, построенные незадолго до коллективизации, обычно крестовики. Часто в крестовики перестраивали пятистенки, прирубая к существующему дому ещё две комнаты.

Усложнение планировки вызвало необходимость дополнительного обогрева частей дома, удалённых от русской печи. Для этого между горницей и третьей комнатой (горенкой) устанавливали «голландку-барабан».

У оренбургских казаков вертикальное усложнение планировки не получило широкого распространения за исключением появления высоких каменных фундаментов. Единичные многоэтажные дома (двухэтажные) появились в сельской местности лишь к концу XIX в. у зажиточных казаков как городская мода и часто сочетали жилые и торговые помещения. Местным населением такие дома до настоящего времени называются «городскими».

Усложнение планировки домов у оренбургских казаков шло за счёт увеличения количества помещений в горизонтальной плоскости.

2. Интерьер. Традиционный интерьер без существенных изменений сохраняется до настоящего времени в сельских домах пожилых людей, особенно одиноких, а также в значительной степени в домах жителей среднего возраста.

Особенно устойчив к изменениям и модернизации интерьер «избы» – хозяйственной части дома с печью – русской, очень часто именуемой в настоящее время «кухней» даже лицами старших возрастов.

Традиционный интерьер «избы» прямо связан с традиционной планировкой, распространенной на той или иной территории. Традиционная планировка жилища (избы относительно печи) в поселках оренбургских казаков на всей территории практически без исключения – северосреднерусская (по Е.Э. Бломквист), т. е. русская печь расположена справа или слева от входа в «избу», направление «устья» печи совпадает с входом в

помещение, печное «чело» (цело) обращено к окнам, выходящим на улицу. Полати расположены над входом. Русская печь и «красный угол» диагональны, противоположны друг другу. Аналогичный тип планировки избы относительно печи повсеместно распространен на смежных территориях Приуралья, в Южноуральских и Среднеуральских горнозаводских населенных пунктах, крестьянских селах Челябинского и Курганского Зауралья, в Западной Сибири.

3. Декоративные украшения. В основном украшали наличники и фриз. Наибольшее распространение получили два вида домовой резьбы: – глухая (трехгранно-выемчатая, ногтевидная, желобчатая) и пропильная.

Основным мотивом орнамента является круг или полукруг, состоящий из радиально расходящихся лучей – «репейник», встречаются и другие геометрические фигуры, например ромб. Подобный мотив широко распространен по всей России. На Урале он встречается повсеместно, и является наиболее устойчивым признаком, характеризующим этническую принадлежность жилища.

К концу XIX в. параллельно с распространенным сюжетом солнечных кругов с лучами, выполненных глухой резьбой, бытуют мотивы с растительный орнаментом, выполненный пропильной резьбой. Форма наличников сельских домов часто копировала формы, распространенные в городах – Оренбурге, Троицке, Челябинске. С начала нашего столетия в декоративном оформлении домов зажиточных казаков стал использоваться металл – подзоры из листового железа, украшали ворота, крылец, фриз, водостоки.

4. Типы дворов и застройка усадеб. В населенных пунктах на бывшей территории Оренбургского казачьего войска имеют распространение следующие типы застройки дворов. В лесостепном Зауралье западно-сибирский замкнутый (покоеобразный).

Дома и хозяйственные постройки расположены по периметру усадьбы и плотно примыкают друг к другу, без разрывов. Дом расположен вдоль улицы. В плане постройки образуют букву «П» (покой). В комплекс двора, кроме жилого дома, входят «стайки», навес «дровяник», «завозня», амбар, летняя кухня – «малуха». Бани были вынесены за пределы двора и находились на берегу реки.

В степном Зауралье двор частично сомкнутый – форма, постепенно развившаяся из южной «разомкнутой» в результате последовательного застраивания промежутков между постройкам. Разомкнутый южный двор, распространен степном Приуралье

5. Хозяйственные постройки и временное жильё. Комплекс хозяйственных построек у оренбургских казаков можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся летние кухни («землянки», «избенки», «временки», «мазанки», «малушки, малухи»).

Вторая группа построек – это помещения для хранения продуктов: амбары и погреба.

Третья группа построек – помещения для содержания животных («хлевы или клевы», «стайки», «сарай», «курытники») и выгородки для открытого содержания скота – «карды, тырла».

Четвертая – помещения для хранения инвентаря, транспортных средств, сельскохозяйственных орудий: «завозни – каретные сараи», «сарай», «навесы – дровники».

В последнюю, пятую, входят сооружения санитарно-гигиенического назначения: колодцы, бани, отхожие места.

б. Строительные материалы. При возведении большинства построек в основном применялось дерево. Наиболее употребительными строительными породами были хвойные – сосна и лиственница. Эти породы широко распространены по всему Южному Уралу. Сосна, тем не менее, встречается чаще и заметно преобладает, поэтому большинство зданий, особенно построенных во второй половине XIX в., – сосновые. Заготовка леса в Оренбургской губернии производилась согласно «530-й статьи VIII тома свода законов устава Лесного» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5288, л.2). В строительстве использовался ствол дерева, из которого изготавливались бревна длиной от 5 до 10 м, толщина бревен колебалась от 15 до 50 см. Из бревен изготавливались плахи, брусья и доски. Кроме стволов, шли в дело и пни с частью корневой системы. Дома первых поселенцев-казаков Новой линии сооружены на пнях – «сохах». Неровные стволы лиственных пород деревьев для строительства жилья использовались крайне редко. Однако в Еткульском станичном юрте иногда сооружали дома из березовых стволов. В качестве строительного материала использовалась и береста, учитывая её стойкость к гниению и хорошие водоотталкивающие свойства: бересту использовали в качестве гидроизоляции, прокладывая между срубом и оконными коробками, реже – в качестве кровельного материала.

Дикий камень применяли в строительстве повсеместно, но наиболее широко – на юге, в степной зоне, в Верхнеуральском, Орском уездах, имевших дефицит строительного леса. Активно дикий камень стали использовать в строительстве в конце XIX и в начале XX в. Дома из камня сооружали редко. Чаще сооружались хозяйственные постройки. Каменные плиты укладывали перед воротами или перед входом в дом, ими мостили дворы. Кирпич использовался нечасто. Временное жильё, летние кухни, бани и другие хозяйственные постройки сооружали из самана.

Самым доступным из всех строительных материалов в сельской местности была глина. Из глины сооружали «битые печи», ее использовали для изготовления самана, ею обмазывали срубы домов внутри и с наружи, плетневые, саманные, дерновые, каменные стены сараев, стоек, каменные фундаменты, печи. Она служила связующим материалом в каменных кладках, гидроизоляцией на крышах хозяйственных построек, заполнителем в каркасных сооружениях. Глинобитные полы были во времянках, летних кухнях и в домах небогатых казаков в степных станицах. Солому и камыш использовали в качестве кровель-

ных материалов, а также при изготовлении самана.

Листовое железо на крышах домов появилось во второй половине XIX в. Из листового железа изготавливались и декоративные украшения, и водостоки.

Часто кровельным материалом для крыш служил дерновый пласт. Из дерна возводили постройки обычно те же, что и из самана, но при меньших трудовых затратах, связанных с изготовлением «кирпичей»: дерновые пласты резали лопатой в степи и возили в посёлок.

7. Система водоснабжения. Наличие воды было обязательным условием существования населённого пункта. Все без исключения посёлки, хутора и другие типы поселений находились вблизи рек, озёр или крупных ключей. При выборе места для вновь заводимых в 1842–1843 гг. новолинейных поселений это обстоятельство непременно учитывалось, давалась характеристика водоема и качества воды, например места, выбранные под поселения № 10 и № 11, в будущем названные Полоцким и Новинским, Наказным атаманом ОКВ генерал-майором графом Н.И. Цукато оценивались следующим образом: у Полоцкого – «На речке Кайракты не в вершинах, но в середине, где впадает в нее безымянный ключ ... (река) плесами очень гниловатая и топкая, по словам киргизов во время зимы имеет дурной запах и в употребление не годная»; у Новинского – «Вода у самого места заселения образовалась плесом из ключей, очень хорошая, которая, по словам киргизов в зимнее время не замерзает...» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 52об.–54об.).

Недостаток хорошей воды часто становился причиной для переноса или упразднения поселения. Так в новолинейном районе в течение первых двух десятилетий после основания были перенесены на новое место или упразднены вовсе около десяти посёлков. Одной из основных причин этого как раз являлся крайний недостаток воды или её плохое качество (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5273, л. 334).

Основным источником воды даже в первой половине XX в. являлась река. Если вблизи или в самом посёлке был крупный источник (родник), питьевую воду брали из него. Присутствие крупного хорошего источника позволяло комфортно существовать большому посёлку и при отсутствии крупной реки

В большинстве посёлков было несколько общественных колодцев. Располагались они на улицах или перекрёстках или на плацу. Колодезные шахты крепились срубом или каменной кладкой. Копать колодцы было делом чрезвычайно ответственным, поэтому старались приглашать «специалистов», делали эту работу и сами, но чаще всего «помочью». Для извлечения воды из колодцев использовали два типа приспособлений: противовес – «журавль», «очеп» и вращающийся барабан – «валёк».

7. Традиционная архитектура иноэтничных групп у оренбургских казаков на примере нагайбаков. Исходя из характера переселения нагайбаков-казаков в Зауралье, планировка поселений нагайбаков-казаков не могла иметь этническую специфику. Одна группа была расселена в уже существовавшие русские поселения в Троицком уезде, другая же была расселена в степном новолиней-

ном районе на отведенных участках, где застройка велась по планам, присланным из департамента военных поселений под присмотром войскового начальства. То же самое можно сказать и о типах дворов. На территории Троицкого уезда в поселениях нагайбаков, как и во всех русских поселениях лесостепной зоны, господствует сибирский покоеобразный двор, на новой линии в степи в Верхнеуральском уезде разомкнутый или частично сомкнутый. Планировка жилища относительно печи также идентична русской – северо-среднерусская и соответствующие географическим зонам типы жилищ: в лесостепи – «пятистенки и крестовики», в степи – «пятистенки». Этническая специфика обнаруживается лишь в интерьере жилища нагайбаков. В соответствии с общетатарской традицией, в доме присутствовали нары – «улу секе» (у верхнеуральской группы), печь с вмонтированным в неё котлом «учаг», обилие перин, подушек, подстилок из кошмы. Связь с культурой русских была обусловлена, в первую очередь, принадлежностью к православию, выразившейся в наличии икон в доме. Полати «сундере» также являлись заимствованным у русских элементом. Начиная с кон. XIX – нач. XX в. в повседневный быт нагайбаков вливаются элементы русской городской культуры: мебель, посуда, настенные часы, фотографии, репродукции.

В заключении содержится краткое обобщение результатов по основным разделам, некоторые общие итоги исследования.

В результате сложных исторических процессов, под влиянием политических, социальных и природно-географических факторов в Оренбургском крае в конце XIX – начале XX в. сформировалась своеобразная этнокультурная ситуация. Двухвековая миграция населения на Южный Урал из различных мест России (преимущественно Среднего Поволжья, Прикамья, Среднего Урала, Зауралья, Западной Сибири) и Украины, не однородная по своему этническому составу и социально-сословному происхождению, явилась значительным фактором развития этнокультурных особенностей. На формирование культурно-бытовых особенностей славянского населения в нашем регионе оказали влияние традиции различных групп коренного населения, а также некоторых неславянских народов Поволжья и Приуралья.

Особо следует отметить преобладающую роль государства в колонизации Южного Урала. Создание в первой половине XVIII в. линии пограничных крепостей и Оренбургского казачьего войска было, в первую очередь, вызвано геополитическими интересами империи. Пограничное положение, особый сословный статус казачества наложили отпечаток на архитектурное лицо большинства сельских населенных пунктов Южного Урала, их планировку и даже топонимию. На планировке поселений казаков сказалось также и господство в архитектуре XVIII–XIX вв. регулярного стиля.

Собственно жилище оренбургских казаков на территории современной Челябинской области имело черты архитектурных традиций, привнесенных

русскими из европейской части России (Среднего Поволжья и Волго-Камского региона), Среднего Урала и Западной Сибири.

Сохранив основные черты, характеризующие этнографическую принадлежность жилища (в нашем случае, как средне-великорусскую): основной строительный материал, технологию сооружения, систему обогрева жилища, декоративные украшения, планировку, – оно, тем не менее, испытало воздействие различных факторов: ландшафта, климата и, отчасти, этнического состава населения края. Наиболее устойчивыми к изменениям оказались планировка жилища относительно печи (северно-среднерусская) и общие для всей великорусской территории мотивы и технология исполнения архаичных декоративных украшений («репейники», ромбы и т. д. выполненные в технике глухой резьбы).

Однако в степной зоне, к началу XX в. в результате адаптации к новым условиям (дефицит леса и повышенная летом при сильных ветрах пожароопасность) произошла трансформация культурной традиции, сформированной в лесной зоне. Иные ландшафтно-географические условия особенно сильно сказались на сельской архитектуре южных и юго-западных районов войсковой территории (бывшие Верхнеуральский, Оренбургский, Орский уезды). Эти условия были усугублены воздействием человека на ландшафт (вырубка лесов). Отсутствие или острый дефицит привычного строительного материала в конце XIX – начале XX в. заставил казаков, проживавших на этих территориях, включая большую часть новолинейного района, использовать нетрадиционные строительные материалы (камень, саман, глину, дерн, солому, камыш). Использование новых материалов вынуждает видоизменять и строительные приемы, которые часто приходилось заимствовать у соседей (кладка фундаментов, хозяйственных построек и заборов из дикого камня) или у локальных этнографических групп в своем сословии, то есть оренбургских казаков, выходцев с Дона, Кубани и Малороссии (сооружения из плетней, использование соломы и камыша). Важным фактором, влиявшим на эволюцию традиционного жилища, являлась городская градостроительная мода.

Жилища казаков в южных районах по многим архитектурным особенностям (преобладание пятистенка, обмазка сруба) тяготеет к сельской архитектуре Южного Приуралья и Средней Волги, формировавшихся в сходной ландшафтной зоне. Традиционная архитектура казачьих поселков, расположенных на территориях бывшего Троицкого и Челябинского уездов (III военный отдел), была связана с сибирской традиционной архитектурой и сохранила эту связь в дальнейшем выразившейся на рубеже XIX – XX вв. в преобладании сибирского варианта покоеобразного двора, а также широком распространении крестовика».

Традиционная архитектура Оренбургских казаков является звеном, соединяющим традиционную архитектуру Европейской России и традиционную архитектуру русского населения Сибири.

Основные положения диссертации излагаются в работах:

1. Рыбалко, А.А. Жилище и усадьба оренбургских казаков на территории современной Челябинской области / А.А. Рыбалко // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 197–216.
2. Рыбалко, А.А. История и быт казаков новолинейного района / А.А. Рыбалко // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995. – С. 117 – 135.
3. Рыбалко, А.А. Зональные особенности традиционной архитектуры Челябинской области / А.А. Рыбалко // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегиональной конференции. – Уфа, 2001. – С. 242–244.
4. Рыбалко, А.А. Традиционное жилище оренбургских казаков на территории современной Челябинской области / А.А. Рыбалко // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Третья международная научная конференция: Тезисы докладов. – Часть 3: Фольклор и этнография народов России. – Челябинск, 1995. – С. 150 – 152.
5. Рыбалко, А.А. Жилище и усадьба оренбургских казаков / А.А. Рыбалко // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи. – Челябинск, 1996. – С. 56 – 71.
6. Рыбалко, А.А. Этнокультурная и политическая история Южного Урала в эпоху средневековья и в новое время / А.А. Рыбалко, О.В. Новикова // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск, 2004.
7. Рыбалко, А.А. Из опыта работы этнографической экспедиции музея-заповедника Аркаим / А.А. Рыбалко, О.В. Новикова, О.Ю. Мальцева // Второй международный конгресс этнографов и антропологов: Резюме докладов и сообщений. – Уфа, 1997. – С. 175.
8. Рыбалко, А.А. Поселения и традиционное жилище казаков / А.А. Рыбалко // Очерки традиционной культуры казачества России. – Москва – Краснодар, – 2002. – Т.1. – С.461 – 473.
9. Рыбалко, А.А. Конструктивные приемы и строительные материалы, используемые в традиционной архитектуре у оренбургских казаков. // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тимашевск, – 2006. – С.213 – 216.
10. Рыбалко, А.А. Особенности традиционного домостроения у Оренбургских казаков / А.А. Рыбалко // Проблемы истории, филологии, культуры XVI / 3. Москва – Магнитогорск, 2006. – С. 68 – 76.

